

Марина Ганфайтер

Мы ждали

восемь долгих лет

Марина Ганфайтер

Мы ждали восемь долгих лет

<https://litres.ru/73972819>

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-532-88878-4

Аннотация

В 2014 году не вся территория Донбасса вошла в состав Донецкой народной республики, многие города и сёла остались в оккупации ВСУ. Как жилось восемь лет тем, кто остался на вражеской территории, и рассказывает эта повесть. В ней нет вымышленных героев и событий, всё описано с точностью, только некоторые имена и фамилии изменены.

Главная героиня повести ведёт информационную войну в блогах на украинском сайте i.ua, рискуя попасть в поле зрения СБУ, знакомится со знаменитым сербским снайпером, тайно помогает ополченцам ДНР, сообщая им координаты расположения украинской военной техники, арестовывается военным патрулём за поступок, грозящий ей двенадцатью годами тюремного заключения, но чудом остаётся на свободе. Как проходили первые недели СВО на Донбассе – всё это описано в повести. Это произведение – о страданиях и терпении, любви и предательстве, верности долгу и мужестве. О том, что пришлось пережить жителям Донбасса за долгие восемь лет.

Содержание

Вступление	4
Глава 1. Танки идут	10
Глава 2. Боец на сайте i.ua[5]	17
Глава 3. 2 часа из жизни женщины	25
Глава 4. Заминировано!	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Марина Ганфайтер

Мы ждали восемь долгих лет

*Надежды не угасшей свет,
Как избавленья, битвы просит.
Мы ждали восемь долгих лет,
Мы верили, что нас не бросят.
Стояли насмерть и клялись,
Что довоюем до Победы,
Хотя никто ещё не ведал,
Что приготовила нам жизньь.*

Вступление

11 мая 2014 года жители моего посёлка шли на площадь к Дому культуры, где уже всё было готово к референдуму. на улице стояли столы, за столами сидели члены комиссии, скамейки и вынесенные из здания стулья — всё было занято пожилыми людьми, инвалидами, кому не досталось места сесть, те стояли рядом и никуда не отходили. Народ вознамерился голосовать, даже если в село нагрянет украинская армия. 8 часов утра, 9, 10, начало 11-го, а бюллетеней для голосования так никто и не привёз. Решено было ехать за ними в Волноваху, подогнали чей-то микроавтобус, в него

сели пятеро, в том числе и я, Марина Ганфайтер, жительница этого посёлка. Когда мы выехали на трассу Волноваха — Донецк, то увидели в полукилометре от себя колонну бронетехники. Кроме нашего автобуса, на дороге никого больше не было, никто не рисковал отправляться в дорогу в такой день. Водитель наш быстро сориентировался и свернул в сторону лесопосадки, пока ещё нас не обнаружили. Как мы пробирались в Волноваху, по каким буеракам и заболоченным местам, лучше и не вспоминать. В город въехали со стороны микрорайона Северного. Загрузившись бюллетенями, отправились по той же дороге обратно, понимая, что если остановят и найдут у нас бюллетени, то просто расстреляют там же, в поле.

Бюллетени доставили к полудню; подъехав к площади, поразились: никто не ушёл домой, люди толпами стояли у Дома культуры и ожидали нас.

И всё же нам не повезло: мы остались за бортом Донецкой республики, в которую стремились всем сердцем. Мы остались в логове врага, который сразу же стал нам мстить и за участие в референдуме, и за нашу гражданскую позицию, за то, что мы отказывались признавать себя частью новой, чуждой нам Украины.

Тревожно было мне, учителю, когда захватившая власть в Волновахе клика Лубенца стала навязывать нам свои новые правила. Русский язык исключили из школьной программы, по утрам на школьных линейках заставляли петь гимн Укра-

ины, все стены здания должны были быть увешены украинскими символами: гербом, флагом, словами гимна, вышиванками, веночками, веточками калины, воспетой в бандеровских песнях; в школу наведывались атовцы, «цвіт нації», как они себя величали, а школьники должны были внимательно слушать ахинею, которую они несли. Я и сегодня не устаю удивляться тому, как мы это всё пережили и смогли выстоять. Где брали силы и мужество, чтобы бороться с мракобесием и не дать превратить наших детей в манкуртов, забывших своё «я»? Но и здесь мы победили.

Самым тяжёлым для меня оставалось то, что я ничем не могла помочь нашим ребятам на фронте, нашим ополченцам, у которых поначалу ничего не было: ни оружия, ни формы, ни довольствия. Какое-то время ещё ходили автобусы, пересекая украинские и наши блокпосты, поэтому была возможность сравнить, как подготовлены одни и другие. Проезжая через сёла Петровку, Стылу, отбитые у украинцев ополченцами, я старалась провезти пакеты с испеченными мамой пирожками, давала деньги ополченцам, проверявшим пассажиров автобуса. В любую минуту сидевшие в автобусе люди могли сообщить обо мне в СБУ, но пронесло. Новости с фронта я узнавала обычно из интернет-группы «Ополчение Донбасса», радовалась успехам наших ребят и ревела, если их преследовали неудачи.

Сегодня, когда уже позади годы мутного отчаяния, неверия и робкой надежды, можно спокойнее вспоминать о про-

житых восьми годах, изменивших нас, открывших нам глаза на многое в себе и окружающих, о чём мы даже не догадывались. Наверное, такие переломные события нужны для прозрения, очищения, чтобы дальше шагало свободно и уверенно, и всё же тяжело осознавать, что мы, сами того не желая, стали их невольными участниками, порой обычными пешками в чужой игре...

Если бы я сразу оказалась там, в республике, в своём любимом и привычном мире, мне было бы намного легче. Пусть бы каждый день я жила под обстрелами украинской артиллерии, как жители соседнего со мной городка ДНР, спускалась в подвал, помогала пострадавшим соседям, только меня бы согревало то, что я «со своими», я разделяю их участь, мне не нужно скрывать свои чувства и мысли. Увы, судьба приготовила для меня иное: жить в логове, где каждый, даже вчерашний твой родственник, друг, сосед, коллега, мог оказаться скрытым врагом, способным донести на тебя с гордостью, как исполнивший священный гражданский долг. И доносили же, и сдавали азовцам, Правому сектору, СБУ. После таких доносов люди обычно бесследно исчезали, а если им удавалось выжить, то в душе оставался кровоточащий след на всю оставшуюся жизнь. Нельзя заглянуть в бездну отчаяния, а потом продолжать жить, словно ничего не случилось.

Бог миловал меня. Я не сидела в застенках украинских палачей, никто из моих близких не попал в бандеровские жер-

нова, не остался лежать со вспоротым животом или простреленной головой где-нибудь в лесопосадке. Но чужая боль коснулась и меня, стала и моей нестерпимой болью. И ещё эти восемь лет помогли мне понять, что Донбасс для меня — это не просто родной, дорогой с детства край, где я выросла и живу. Это часть меня. И пока Донбасс страдает, я не могу быть счастливой.

К сожалению, спустя 11 лет черная весть пришла и в мой дом, в нашу семью. Ещё в 2014 году ушёл воевать мой племянник, Виталий Иващенко. Четыре года он служил в «Оплоте»[1]¹, вернулся домой в 2018-ом, после трагической гибели Александра Захарченко. Летом 2024-го опять пошёл добровольцем на фронт. Сестра Галя знала, что телефонов у солдат нет, все телефоны у командиров, поэтому и не встретила, когда почти месяц от Виталия не было вестей. Позвонили со страшным известием в конце марта, сестру пригласили в донецкую больницу имени Калинина на опознание. Тело не показали, только фото его фрагментов. Но и этого было достаточно, чтобы понять: умирал долго, мучительно, будучи раненым, истекая кровью... Вытащить его раненого оттуда, где он был, вряд ли получилось бы. Бои на подступах к Покровску длились до самой осени, и сейчас ещё город целиком не взят и не зачищен. Дату смерти вписа-

¹ Батальон «Оплот» — вооружённое формирование, образовавшееся в 2014 году и принявшее участие в вооружённом конфликте на востоке Украины на стороне ДНР.

ли в бумаги как 21 марта... Спустя полгода снова пригласили Галю в Донецк, но теперь уже, чтобы вручить орден сына «За мужество». Виталий на фронте стал командиром штурмовой группы. Скромный, тихий, добрый парень, не служивший в армии, не бравший до этого в руки оружие, шагнул в огненное пекло войны, потому что любил свой Донбасс, свой город Докучаевск, своих родных, друзей, боевых товарищей...

Эту повесть я посвящаю памяти Виталия и всех воинов, кто встал на защиту Донбасса, кто в неравной схватке с превосходящими силами врага выстоял и не дал себя победить, даже ценой собственной жизни.

Пройдёт время, и многое забудется из того, что пережили мы за эти годы. Чтобы этого не произошло, я и начала записывать всё, что видела, слышала. В этой повести нет ни одного вымышленного события или героя, всё, рассказанное мною, реально происходило. Только некоторые имена и фамилии изменены, но при желании каждый сумеет себя узнать.

Глава 1. Танки идут

Танки шли по центральной улице посёлка. Длинная колонна. Возможно, они были старыми, ещё с советских времён, но мощные гусеницы властно вминали мягкий от весеннего солнца асфальт, и грохот стоял такой, что стёкла в ближайших к дороге домах тренькали, словно кто-то водил неумелой рукою по струнам расстроенной арфы. Люди, вышедшие на улицу, окаменели и остались стоять там, где их застала эта армада, только глаза ошалело провожали одну за одной мелькавшие машины. На первом танке дёргался на древке воткнутый сине-жёлтый флаг, грозно и зловеще рвался он на ветру, и был далеко виден, как чудовищная двуцветная голова металлической гусеницы. Из каждого люка до половины выглядывали застывшие солдаты. Казалось, их лица были неживыми, мертвенно-серого цвета. И в каждом танке, в каждой торчащей из него фигуре читались угроза и презрение к нам, живущим в этом посёлке.

«Вы наши враги», — не говорили нам, но давали понять своими гордо вскинутыми головами в касках солдаты. В таких касках в Великую Отечественную шли в атаку на врага. Вот и мы для этих, прочно застрявших в люках, такие же враги.

В колонне, марширующей по главной улице, двигалось десятка два тяжёлых танков, остальные БМП и БТРы, попалась

и пара пушек со стволами внушительного калибра, названия которых тогда ещё никто из нас не знал, но понимал, что вся эта груда металла направлена против нас. Смерть шумно ползла по ещё недавно мирному донбасскому посёлку.

Но отнюдь не все были встревожены и удивлены такому появлению: кое-кто, восхищённо улыбаясь, прыгал с телефоном и снимал на камеру «защитников». Солдаты, конечно, заметили этот тёплый приём молодой женщины, но никак на него не отреагировали, разве что ещё больше приосанились перед камерой. Дама эта родилась в Донбассе, но почему-то её всегда тянуло к «потічкам» и «місточкам»^[2] Галичины, к колядкам и вышиванкам. Впрочем, в вышитой сорочке нет ничего плохого, если только она не становится пеленой на твоих глазах, закрывая собой остальной мир и заставляя ненавидеть всё, чем дорожат другие. Звали женщину Софией.

В это же время на центральной улице появилась ещё одна женщина, Мария. Как и первая, она обращала на себя внимание, выделяясь из застывшей массы. Уверенно шла по улице, и не вдоль обочины, а ближе к середине, шла параллельно бронированной технике, и та двигалась всего в метре от неё, как бы немного объезжая, чтобы не задеть. Женщине было куда свернуть: вдоль дороги слева от неё тянулся тротуар, но она с явным вызовом продолжала спокойно двигаться по дороге, будто не замечая лязгающих гусениц на расстоянии

² Потічки и місточки (укр.) — ручейки и мосточки.

вытянутой руки, даже головы не повернула в сторону колонны. На перекрёстке пару раз презрительно сплюнула прямо под гусеницы, ожидая какой-то реакции от военных. Те, конечно же, это увидели, но реакции не последовало.

Техника прошла через мост своим курсом, а грохот и рычание ещё долго раздавались вдали. Люди не торопились расходиться, не обменивались впечатлениями, а долго стояли молча и озадаченно смотрели вслед исчезнувшей колонне.

Ребристые следы гусениц, вспахавших асфальт, — это была первая весточка грядущей войны.

— Гады, — зло произнесла женщина, смело шагавшая наравне с танками.

Любительница фотосессий ей возразила:

— Они пришли нас защищать.

— От кого?

— Как от кого? От российской армии. Они идут на границу с Россией!

— Они идут по нашу душу, — убеждённо и горько возразила Мария. — И скоро ты сама в этом убедишься.

Предсказание сбылось уже через неделю, когда в Донецкой области произошёл трагический случай: бронированная украинская техника была брошена на мирных людей, а те, ещё не веря в серьёзность происходящего и не понимая, что солдаты получили приказ во что бы то ни стало взять под контроль Донбасс, встали в живую цепь, взявшись за руки и

не пуская технику дальше.

Весь ужас того, что ожидало людей, вскрылся, когда танк, нервно дёргаясь, переехал первого человека, пожилого мужчину, не успевшего отскочить в сторону. Раздались страшные крики женщин. Кто-то схватился за голову и не мог и шагу ступить от увиденного; кто-то полез под гусеницы, чтобы оттянуть ещё живого изуродованного человека; нашлись и такие, что, матерясь, залезли на танк и пытались добраться до водителя экипажа.

Тогда, в 2014-ом, техника отступила. В армии всё-таки в то время служили кадровые военные, ещё не успевшие обандериться. Солдаты, по-видимому, и сами потрясённые случившимся, опомнились и развернули колонну. Это еще не было войной, и её пока никто не чувствовал. Карательная операция против Донбасса только набирала обороты.

Когда же люди впервые ощутили это дыхание войны? И когда Мария поняла, что война неизбежна? Пожалуй, в тот день, когда приехала в Донецк, чтобы забрать вышивки матери, вставленные в рамки. Ей позвонили с рынка, сообщили, что всё готово, и она поехала туда. К её удивлению, автобусы по улице Артёма не ходили, и никто толком не мог объяснить, почему. Пришлось идти от самого универмага до главпочтамта, где она уже столкнулась с людской толпой, шумной, разношёрстной и возбуждённой. Впереди шагали парни в форме Беркута[3]³, за ними, не отставая, а иногда даже

³ «Беркут» (укр. «Бёркут») — расформированные подразделения милиции

пытаясь опередить, обычные гражданские, причем женщин было больше, чем мужчин. Шли с возмущёнными возгласами и решительными лицами, явно нацелившись чего-то добиться. На вопрос Марии, куда и зачем идут, несколько человек одновременно ответили:

— К СБУ[4]⁴. Пусть переходят на нашу сторону. Беркутовцы с нами. Если что, помогут.

И пока Мария добиралась до бульвара Шевченко, волны людей всё двигались и двигались, плывя по улице Артёма, представляя собой нескончаемый поток мужчин и женщин, молодых и старых, уверенно шагающих и с трудом топающих, постукивая по асфальту костылями. Были там и матери с колясками, кто-то нёс детей на руках и боялся отстать от колонны. Мария с каким-то воодушевлением смотрела на этот людской поток и немного сожалела о том, что не может стать его частью, забыть о деле, позвавшем её в Донецк, и отправиться вместе со всеми к зданию СБУ. На площади перед «Белым домом» Мария остановилась, там было так же оживлённо и шумно, тысячи людей обсуждали последние события, высказывали предположения, чем всё закончится, склоняли и по батюшке, и по матушке захвативших на Украине власть. Подъехали несколько машин, это были старенькие, ещё с советских времён так называемые «газики», из них вы-

специального назначения при территориальных управлениях Министерства внутренних дел Украины, существовавшие с 1992 по 2014 год.

⁴ СБУ — Служба безопасности Украины

скочили несколько парней в камуфляжной форме, лица закрыты балаклавами. К ним присоединились ещё несколько человек. Площадь гудела, наблюдая, как эти мужчины садятся в машины и готовятся к отъезду.

— Кто это? — всё старалась допытаться Мария у окружающих её людей.

— В Славянск едут, — ответил невысокий парнишка с георгиевской ленточкой на куртке.

Площадь проводила отъезжающих криками одобрения и поднятыми то ли в приветствии, то ли в аплодисментах руками. Тысячи рук махали вслед удаляющемуся отряду. В этой группе, как выяснилось позже, и были Стрелков, Моторола и другие будущие герои донбасского ополчения.

Через несколько минут небо словно расколосось: солнце куда-то исчезло, на площадь стала надвигаться тёмная туча. Слыша гул, Мария не поняла сразу, что это самолёт. Военный, украинский. Он зловеще завис над площадью, потом сделал четыре круга, опустившись очень низко, даже лицо пилота бледным пятном было различимо в проёме окна. Люди вначале застыли, но потом словно по команде выплеснули всё, что копилось в душе: мужчины ругались, такими словами, которых Марии в жизни и слышать-то не приходилось, а женщины грозили небу кулачками, хотя в глазах уже прятался страх. Мария тоже почувствовала, как по спине проползло что-то мерзкое, липкое, удушающее. Самолёт улетел, но осталось ощущение, что надвигается нечто страшное и

неминуемое. На рынок она тогда добралась только после обеда и забрала мамины картины.

Был ещё один случай, давший докучаевцам представление о том, то такое ВСУ. Заскочили на своей бронетехнике укроповцы, распугали стоявших на проспекте Лихолетова людей, не успела убежать только молоденькая мама, гулявшая с ребёнком в коляске. Вот к ней-то и подскочили мужики в форме.

— Слава Україні! — заорал один из них.

Девчонка растерялась, глазами захлопала, слова в ответ сказать не может. А они опять на неё наступают:

— Кричи «Слава Україні!» Ну!

Другой вояка подскочил, сбил с ног девушку, так что она на колени грохнулась посреди тротуара, схватил за волосы и истошно заорал, требуя немедленно ответить на его бандеровское приветствие. Коляска перевернулась, ребёнок повис на блокирующей резинке и истошно закричал, заголосолил. Никого из докучаевцев не оказалось рядом, видевшие всё это находились далеко, под самыми зданиями, в стороне от аллеи, но вряд ли кто-то решился бы заступиться и прийти на помощь юной матери. Подошли люди и помогли ей подняться только тогда, когда развеялся дым из выхлопных труб унесшихся украинских танков. Девушка ещё долго не могла прийти в себя, глотала слёзы и всхлипывала, а ребёнок успокаивался на руках у Владимира Садовниченко, пенсионера, первым прибежавшего на помощь.

Глава 2. Боец на сайте i.ua[5]

Чтобы победить врага, мало одного умения махать шашкой, необходимо намного больше, и прежде всего борьба за умы людей. Почему Украина традиционно выигрывает информационную войну? Да потому, что она действует и на внутреннем, и на внешнем фронте, на каждом сайте, каждом видео портале — будь то украинский, российский или любой другой страны — есть тысячи профессионалов и добровольцев, которые распространяют выгодные им фейки, создают нелицеприятный образ России, Донбасса, русского мира. Мы рассказываем правду, и нам не верят, а они несут несусветную чушь — и её почти весь мир воспринимает как правду! Заглянуть на российские интернет-просторы — и можно ужаснуться тому, как хитро, мастерски они обрабатывают тех, кто там вращается.

Действуя таким образом, запросто можно взорвать страну изнутри. Многократно повторённая ложь или искажённо преподнесённая правда в конце концов убеждает, что это и есть истина. Не все люди способны критически мыслить, даже, казалось бы, стойкие и принципиальные под натиском пропаганды меняют курс, как флюгеры. Пример тому — украинский боксёр Александр Усик. Выходец из Крыма, якобы прихожанин Украинской православной церкви, защищавший святыни Киево-Печерской лавры — и вдруг, как бы

в одно мгновение, резкий крен в сторону украинского национализма! Какая-то трансформация на глазах!

Так думала Мария, расстроенная своим, как ей казалось, бессилием. Но ведь она никогда не опускала руки! В январе 2014-го, когда майдан был в разгаре и ситуация, как маятник, раскачивалась то в одну, то в другую сторону, Мария находилась на курсах в Донецке, жила в общежитии недалеко от магазина «Белый лебедь» и по вечерам, после занятий, бежала в подземный переход на улице Артёма. Там располагился небольшой и сравнительно недорогой в предоставляемых услугах интернет-клуб, где всегда можно было найти свободный столик с компьютером. Не обращая внимания на простуду и надоедливый кашель, она каждый вечер пару часов просиживала перед монитором, чтобы узнать последние новости. А новости эти были тревожными, и даже отсюда, из Донбасса, было хорошо видеть, куда в Киеве ветер дует. Как-то сразу, ещё с первыми волнениями, Мария поняла, что надвигаются перемены, которые изменят и её жизнь тоже. Можно назвать это «плохим предчувствием». Там, в столице, одурманенный пропагандой народ ходил на митинги, размахивал флагами, разбирали булыжные мостовые, кормил и поил «борцов революции» и упивался происходящими переменами, свободой, своей «значимостью». Но отсюда, из Донецка, и даже из этого незатейливого интернет-клуба было видно совсем иное: и то, что всё действие срежиссировано, хорошо оплачено; и то, что занимаются им не только по-

литики, но и профессиональные психологи, социологи, психоаналитики. Всё учитывалось в ходе майдана: все человеческие инстинкты, пороки, страхи, чаяния. Кого-то заманили мечтой жить как в Европе, кому-то посулили власть или успешное предпринимательство, у одних сыграли на струнах зависти, мести, ненависти, а у других — на доброте, сочувствии, солидарности. И каждый пошёл по открывшейся ему тропе не задумываясь.

«Неужели они не понимают, что их попросту используют? — удивлялась Мария. — Почему же они не замечают очевидного, того, что видим мы за сотни километров от Киева?»

Роясь в интернет-новостях, она зашла на украинский сайт i.ua, а там ей на глаза попались блоги. «Вот что мне нужно!» — обрадовалась Мария. Там авторов и читателей — не десятки тысяч, а до миллиона, если не больше. И не только украинцев, но и жителей других бывших советских республик. Есть ещё и юзеры из Европы, Азии, даже из США.

И Мария занялась своим блогом. Выбрала звучный ник «Ганфайтер», его английский вариант Gunfighter, то есть, Стрелок. Она Стрелец по гороскопу, а ещё и неплохой стрелок, всегда в тире побеждала в соревнованиях, выигрывая призы.

И началось. Посты писала ёмкие, хлёсткие, любила отвечать на провокационные комментарии, отбивая желание у этих комментаторов писать гадости. Она была первым блогером на этом сайте, кто подверг критике майдан, кто обратил

внимание на изошрённую, всепродуманную его подготовку и поставил вопрос: кто за этим стоит и чего добивается? А ещё написала, что майдан — это первая ступенька к краху Украины как государства, что вызвало бурное негодование у читателей.

Интернет-клуб в переходе не отапливался, там стояла лишь парочка обогревателей, которые особого тепла не давали. Так что, простуда перешла в бронхит, и Мария колола теперь себе дважды в день антибиотики. Это стало расплатой за её интернет-дуэли.

Курсы закончились, нужно было ехать домой. Но на Донбасс той зимой 2014 года обрушились невиданные снегопады: автомобильная трасса Донецк — Мариуполь закрылась, электрички не ходили. Каким-то чудом прорвался пассажирский поезд из России, и Марии удалось забраться в него, до самой Волновахи она стояла в тамбуре, чувствуя, как ей становится всё хуже и хуже. Температура уже доходила до сорока. На следующий день скорая помощь увезла её в Волнованскую районную больницу, почти месяц она с двусторонним воспалением лёгких провела в отделении терапии. Так плачевно закончилась её деятельность блогера.

На время закончилась, пока она не выздоровела и не вернулась домой.

А дальше были новые статьи, вызывавшие бурные дискуссии юзеров. Были угрозы, что её найдут и накажут. Но это уже позже, когда Янукович сбежит, переворот сотрясёт всю

Украину, к власти придут такие, как Правый сектор, Айдар, Азов, Торнадо, когда начнётся АТО, и на Донбасс хлынут бандиты разных мастей.

Удержаться на этом сайте было трудно, потому что Мария в карман за словом не лезла, писала с иронией, издёвкой, сарказмом. Банили её много раз, сносили аккаунты, а чтобы создать новый, нужно было купить новую сим-карту, бросить на неё денежки, а потом уже регистрироваться на сайте. И каждый раз под новым именем, чтобы враги не узнали. Кем только ни была она за эти годы подпольной журналистики! И юной, не очень интеллектуальной девушкой, и старой гримзой, и утончённой фифой. Меняла даже пол, представляясь то пятнадцатилетним подростком, то женщиной средних лет. На этом сайте она перенесла около 40-ка реинкарнаций, и ни разу никто не заподозрил её в новом образе! Наверное, потому, что со сменой ника и пола ей приходилось менять и темы постов, и стиль изложения, и лексику, и эмоциональный окрас, и даже графика претерпевала изменения.

Что ей это давало? Это была пока единственная возможность донести правду о том, что происходило на Донбассе, показать сущность ВСУ и других военных формирований, их бесчинства, мародерство. Не все верили её статьям, но у многих начинали открываться глаза, многие ставили лайки, хотя тогда за такой лайк можно было попасть в застенки СБУ. Отрадой для Марии были и комментарии единомышленников. Робкие, осторожные, в эзоповом стиле, но такие

ценные! Ценные, потому что подтверждали: не все на Украине зомбированы захватившими власть, есть много людей порядочных, искренних, сохранивших и уважение к ветеранам Великой Отечественной, и сочувствие жителям Донбасса, и желание бороться.

Это была война Марии против тех, кто захватил её край, её родное село. Как ни странно, но и на этой войне можно было погибнуть. Конечно, она старалась быть осторожной, но характер у женщины был бойцовским, не знающим страха. И тогда появлялись в украинских блогах вот такие статьи:

«Хочется похвалить тех, кто прекрасно поработал над населением Украины. За 12 месяцев из нормального, миролюбивого, неглупого народа сделали уникальных укрозомби. Такого молниеносного превращения ещё не знала мировая история!

Внуки героев Великой Отечественной войны, изгнавшие фашизм из Европы, превратились в рупоры укрофашизма, самого мерзкого, тупого, беспросветно человеконенавистнического.

Гордые, тянущиеся к свободе, стали послушными марионетками в руках США, собирающими долларовые подачки со всех протянутых к ним рук.

Кричащие, что только украинцы будут хозяевами Украины, выбрали президента — еврея, премьер-министра — еврея и спикера — еврея, заодно и кресла в правительстве подарили иностранцам.

Православные христиане, чья духовность вызывала удивление и уважение в мире, стали уничтожать свои православные храмы и впустили в них нехристей — баптистов и прочих сектантов.

Славящиеся миролюбием, гостеприимством, воспылали лютой ненавистью ко всем инакомыслящим и бросились убивать своих же только за то, что они не поддались зомбированию и не признали их государственный переворот.

Берегущие и боготворящие веками свою родную землю, спасённую от татаро-монголов, турков, поляков и прочих завоевателей, добровольно отдали её на поругание байденовским сынкам-наркоманам, чем обрекли на опустошение и сланцевое уничтожение.

Дерущие горло за народную власть без толстосумов, подарили эту власть на блюдечке с майдановской каёмочкой толсторожим олигархам Петям, Беням и пр.

Города-герои становятся клоаками неонацизма и садизма, церковь — центром мракобесия и подстрекательства, «правдивые» СМИ — шавками олигархов, а народная власть — бандитским притоном.

И всё это за какие-то 12 месяцев!!!

Была страна — и нет страны. Остался один большой дом умалишённых. Зомби. Зомби, которыми так легко управлять! Только возьми в руки дудочку и играй свою любимую мелодию, а они уж пойдут послушным крысиным стадом навстречу своей гибели...

Играй, дудочка! Делай своё чёрное дело! Послушные крысы бредут за тобой...»

Глава 3. 2 часа из жизни женщины

Помните, у Стефана Цвейга есть рассказ «24 часа из жизни женщины»? Человек умный, добропорядочный, но не знает себя до поры, даже представить не может, как поведёт себя в какой-то момент, что сделает, на что решится, какой безрассудный поступок совершит. Такие моменты обнажают человека до сердцевины, вытягивают из него всё тайное, скрываемое или даже несознаваемое в себе.

Симпатии к украинским солдатам у Марии, естественно, не было. Да и какая тут симпатия, если пришли они на её землю убивать и грабить? Будь такой солдат добрейшим и милейшим человеком, всё равно, казалось ей, не подала бы ему руки. Так она думала поначалу. Но случилось так, что одного из них она всё-таки спасла, сама того не желая.

Летом 2014-го возвращалась от подруги Ирины, посидели во дворике под деревьями, поговорили, наплакались. Простились словами:

— Будем жить! Всем врагам назло!

Активных боевых действий тогда ещё не было. Докучаевск оставался «ничейным» городом. Встретились там как-то республиканцы и нацики, каждый приехал на своей машине, с автоматами, естественно. Люди, осознавшие, что может произойти в следующее мгновение, всполошились, старались укрыться подальше, дабы не попасть под огонь. Но

бойцы — враги, только окинув друг друга настороженными взглядами, вошли одновременно в продуктовый магазин, закупились, выпили по стаканчику горячего кофе и разъехались в разные стороны. Молча, не произнеся ни слова. Непримиимой ненависти между ними тогда ещё тоже не было. И сейчас в посёлке не наблюдалось ни техники, ни военных.

Мария поднималась вверх по центральной дороге, игнорируя тротуар, хотела заглянуть в хозяйственный магазин по пути, что-то купить. У обочины напротив магазина увидела трёх солдат, сидящих на бордюре, на шевронах у них серебрились трезубцы. Сидят вояки с автоматами, «голосуют», пытаясь поймать попутку и добраться до Староигнатьевки, где стояла их бригада. Увидев женщину, попытались привлечь её внимание, как-то затронуть, остановить. В другой раз она бы и головы не повернула, а то бы отшила сразу, а тут — настроение было боевое — засмеялась и ответила:

— Да кому вы нужны с автоматами! Вот была бы у вас гаубица — я бы подумала, в хозяйстве всё пригодится от вас отстреливаться.

И поднялась по ступенькам, направляясь к магазину. Пробыла там минут десять, что-то выбирая. Когда вышла на крыльцо, столкнулась с одним из вояк, он стоял, поджидая её. Переминался с ноги на ногу, и чувствовалось в его поведении такое явное стеснение, такое смятение от желания начать разговор так, чтобы его выслушали, что он не сра-

зу нашёлся, что сказать, а только смотрел на Марию мигающими глазами и молчал. Мужчина был высоким, черноволосым, совсем не похожим на военного. Странно, но она потом не могла вспомнить его лицо, а только руки. Руки мужчины, который никогда не держал оружия и не знал, что такое физический труд. Руки нежные, с едва заметными синими прожилками, пальцы длинные, нервные, со светло-розовыми лунками аккуратных ногтей... Такие руки могут быть у музыканта, врача, но никак не у солдата украинской армии. Наверное, именно эти руки «интеллигентного» человека и не дали ей пройти мимо.

— Извините, пожалуйста, — наконец начал он, — что навязываюсь, но здесь не с кем даже поговорить, всё чужое, враждебное. Задыхаюсь просто... Если я попрошу у вас номер телефона, вы не откажете мне? Сможете дать? Я не буду надоедать вам звонками, просто пару раз позвоню. Ведь ничего же такого нет в моей просьбе?..

Не понятно почему, но ей стало совестно отказать этому горе-бойцу, и она продиктовала ему свой номер телефона. Глаза его благодарно вспыхнули, и он торопливо ввёл его в свои контакты.

Придя домой, Мария ещё раз прокрутила эту сцену и ахнула: как же так? Зачем? Для чего она дала ему номер телефона? И о чём она с ним будет говорить? От кого-то она слышала, что под Староигнатьевкой окопались айдаровцы, слава о жестокости которых уже тогда начинала греметь. Но не по-

хож он был, этот тип с руками интеллигента, на садиста, уголовника. Поговаривали, что в «Айдар» принимали всё местное отребье: наркоманов, бывших заключённых и даже ныне сидящих, предлагая им, так сказать, выйти на свободу и искупить свою вину кровью. Те соглашались сразу. Что лучше: в камере сидеть, баланду жрать или вновь почувствовать себя человеком? Бери, что хочешь, грабь сепаров, убивай — и не наказание тебе за это, а награда. Сколько такой шушеры набрали тогда в Мариуполе! Освободили зону. Может, и этот из таких?

Он позвонил ей на следующий день, вечером, представился Денисом, сказал, что сам из Днепропетровска, и начал рассказывать, как они там воюют, назвал номер бригады, фамилию командира, какая у них есть техника. Короче, выложил всё лучше любого «языка» и добровольно. Вся служба их — по его словам — заключалась в рытье окопов и наблюдении из лесопосадки за трассой Донецк — Новоазовск. По этой дороге раньше ездили машины с курортниками к морю. Потом начал рассказывать о себе, «давить на жалость». Она слушала, не перебивая и ни о чём не выспрашивая, пыталась понять, что из поведанного правда, а что — обычный солдатский трёп.

Он в прошлом врач. Женат, детей нет. Узнав об онкологии мужа, жена тут же развелась и ушла, забрав его квартиру. Живёт он у матери. Мать в партии «Батьківщина» не последний человек, близко знакома с её лидером Юлией Ти-

мощенко, ярая патриотка Украины. А у него после химиотерапии депрессия и полная безнадёга во всём. Какой-то идиот — врач посоветовал ему резко переменить жизнь, встряхнуться, добавить адреналина. Вот он и добавил: записался в добровольцы ВСУ. Теперь жалеет, потому что понял: АТО не для него.

Из всей автобиографии, мастерски преподнесённой, она, пожалуй, поверила только в одно: что мать его знакома с этой стервой — дамой с косою, та тоже из днепропетровских. Да и Ярош из того же осинового гнезда. Свилось же такое на их благодатной земле! Откуда и черпали они, жители восточной Украины, этот нацистский дух?

Два дня звонков от него не было, и она уже стала забывать о своём телефонном собеседнике. Был выходной, собралась в Докучаевск, где жила одна из её двоюродных сестёр. Надо было получить в банкомате деньги, продуктами на неделю запастись. А ещё она заглядывала в зоопарк рядом с городской больницей. Зверей там было очень много, клетки и вольеры просторные, с красивыми деревянными домиками для постояльцев. А ещё пруд, через который был переброшен изогнутый мостик с коваными перилами, и плавали в пруду чёрные лебеди. Жил в этом зооуголке и молодой лис по кличке Люк. Жил один, никак не могли подыскать ему пару. Увидев однажды грустную лисью мордочку, Мария с тех пор всякий раз, когда приезжала в Докучаевск, навещала сюда и привозила своему любимцу жареные семечки.

Увидев её и тотчас узнав, он крутился у ограды и выпрашивал любимое лакомство.

Вот и сейчас, собираясь в дорогу, приготовила для лиса пакетик «Егоровских» семечек. И тут раздался звонок. Снова он, Денис. Спросил, чем она занимается, и она ответила, что собирается в Докучаевск.

— А там кто сейчас? Ополченцы? Или никого нет?

— Пока никого, но скоро будут наши, — уверенно сказала она. На слово «наши» Денис не отреагировал.

До прихода автобуса оставалось минут десять. Мария стояла на остановке и разговаривала с кем-то из попутчиков, когда рядом взвизгнула тормозами и остановилась машина. За рулём сидел Денис. Не в военной форме, а в гражданском. Джинсы, чёрная футболка, кроссовки, солнцезащитные очки. Совсем другой человек. Машина эта, как подумала Мария, была отжата военными у кого-то из местных.

— Садитесь, подброшу, — предложил он, открыв дверцу.

Незаметно для себя, даже не осознав, что делает, она села на переднее сиденье. Машина рванула с места. Он ехал и рассказывал о каких-то своих товарищах, с которыми служил. Как она поняла, все они были моложе него, мальчишки ещё. Бегали из лесопосадки в село, искали самогон, потому что в магазине спиртное солдатам не продавали. А ещё пытались знакомиться с девушками, но те их сторонились, лишь единицы соглашались посидеть с ними где-нибудь на природе.

— Не любят нас ваши, — вздыхал он.

— А вы тоже пьёте самогон, как они? — поинтересовалась

Мария.

Он покачал головой:

— Мне нельзя. Если, конечно, жить хочу.

И предложил перейти на «ты».

Пока Мария была у сестры, Денис прошёлся по магазинам, по рынку, встретил её уже с пакетом в руках. Потом они поехали в зоопарк проведать Люка. Мария познакомила его с лисом. Они стояли у клетки и наблюдали, как тот аккуратно, языком подбирает рассыпанные семечки, грыз и, отфыркиваясь, сплёвывал шелуху. Денис ему не понравился, он даже поскрипел обнажёнными зубами в его сторону.

В пакете у Дениса оказались пластиковая коробка, наполненная салатом «Оливье», ножки курицы — гриль, два куска Киевского торта и бутылка лимонада. Он предложил где-то присесть и перекусить. Но Мария отказалась, спешила домой, и Денис повёз купленное сослуживцам, еще и похвастался кому-то по телефону:

— Прикинь, везу вам салат Оливье.

На другом конце беспроводной линии отозвался довольным тоном чей-то грубый голос.

Больше она Дениса не видела, но он ей еще звонил. Это были последние мирные дни в Донбассе, после которых нагрянула «война». Их бригаду перебросили под Иловайск. Наши пошли в наступление. Он позвонил оттуда только раз.

Попрощаться. Сказал:

— Тут такое, что и рассказывать не хочется. Не надо тебе этого знать.

Был еще один звонок, но об этом чуть позже.

Об Иловайском котле тогда уже ползли первые слухи. Все знали, что несколько тысяч украинских солдат брошены своим командованием, окружены, и пощады им не будет. Их жалели, как жалеют каждого человека, но знали, что иначе нельзя. Тут или ты, или тебя.

Мрачными тогда разъезжали укры, в магазинах покупали сигареты, продукты, воду, почти не разговаривали, волками смотрели на жителей посёлка. И побаивались, потому что знали: мы ждём своих. Да, мы на вражеской территории; да, мы вынуждены терпеть и как-то жить, но веру у нас никто не мог отнять. Мы верили и ждали, а они знали об этом и ненавидели нас. Нам тогда казалось, что освобождение наше близко. Украинская армия ещё малочисленна, в ней много сочувствующих нам. ВСУ уйдут, стоит только всерьёз за них взяться, стоит только ополченцам двинуться в нашу сторону. И Марьинка будет потом с боями освобождена, и из Мариуполя укры уйдут без боя, не дожидаясь прихода наших, уйдут, оставив город пустым, и знамя, наше выстраданное знамя Республики, тоже будет кем-то поднято над одним из зданий. Но кто-то одним мановением руки всё остановит, заставит вернуть нацистам Марьинку, несмотря на большие жертвы при её взятии, оставить Мариуполь, позволит врагам

опять занять наши города, вернуться и расправиться с нами. Удивительно, но ополченцев заставляли покидать именно те города, где находились заводы Рината Ахметова, а Волноваха нужна была олигарху как узловая станция, через которую шли железнодорожные составы из Мариуполя и в Мариуполь. Но надежда нас никогда не покидала, мы жили ею и не знали, что впереди у нас долгие восемь лет, восемь лет страха, унижения, отчаяния.

А тогда, в 2014-ом, через посёлок ползли вереницей со стороны Староигнатьевки военные машины. Бойцов в них не было, топливо они не везли, орудия не тащили. Странные были машины, крытые, наглухо законопаченные; обычно они пролетали мимо, даже не останавливаясь. Это позже мы узнаем, что таковым был приказ: не останавливаться. И в машинах этих везли то, что осталось от украинских боевых частей, что удалось вырвать из Иловайского котла — мёртвых и умирающих. Умирающие лежали вперемешку с уже остывшими трупами. И машин таких было множество.

Один из водителей, худой парнишка в майке, не выдержал и остановился. Жара стояла под сорок, в кабине парилка, побежал солдатик, не снёсший жажды, в магазин через дорогу за бутылкой холодной воды. Купив, опрометью кинулся обратно, вскочил в раскалённую кабину, и понеслась машина дальше. В этот момент Мария подходила к площади. Там, где только что стояла машина, прямо на асфальт натекло несколько маленьких луж. Алых. Кровь, пробрав-

шлись сквозь днище машины, за несколько минут окропила асфальт. На глазах Марии пятна из кровавых превращались в коричневые, словно это и не кровь вовсе. Как у Цоя: через час она просто земля...

Спустя пару дней ожил телефон, и на экране всплыло имя «Денис». Она нажала кнопку соединения. Голос у него был осипшим, явно испуганным, нервным, произнёс он, как-то тяжело дыша:

— Это я. Пожалуйста, скажи, кто в Докучаевске. ДНР?

Она ответила:

— Да, конечно.

— А такие две трубы высокие, на одной шестьдесят два — это что?

— Это флюсо-доломитный комбинат, за городом.

— На Мариупольскую трассу отсюда выбраться можно? Есть ли какая дорога? Чтоб не через город.

— Есть в объезд, но только по полям, вдоль лесопосадки.

— Спасибо тебе, Маша. За всё спасибо! Если живым останусь, позвоню, всё расскажу.

И позвонил, рассказал. Что уехал на своём «газике» за продуктами, а на обратном пути птица ударилась о лобовое стекло, крутануло машину так, что едва руль удержал, съехав в подсолнухи. Выбрался из машины, хотел своих окликнуть, что стояли рядом, в овраге, чтобы помогли подтолкнуть, уже рот раскрыл, но вовремя увидел впереди машину Урал, а около неё солдат в чужой форме. И понял, что окли-

кать некого и надо свою шкуру спасти. До вечера пролежал в подсолнухах, слышал, как разговоры стихли, машина отъехала. Хотел подойти к телам убитых товарищей, но не смог, попрощался издалека и отправился в бега. Кое-как завёл машину, выбрался на дорогу и понёсся, увёртываясь от обстрелов артиллерии, удирая и вновь неожиданно оказываясь перед «врагом». Добрался до знакомого Докучаевска. Телефон ещё работал, позвонил ей, Марии, и благодаря этому жив.

— Сейчас я у своих, — сообщил радостно. — Тут, в Мариуполе, наш Правый сектор. Оклемаюсь, слава богу.

— Да... — подумала Мария, — они для тебя «свои».

Вспоминая потом Дениса, удивлялась себе, как могла она подсказывать что-то тому, для кого Правый сектор «свой» и чья мать чуть ли не подруга Юлии Владимировны, угрожавшей оцепить Донбасс колючей проволокой. У неё не было двадцати четырёх часов по Цвейгу, у неё было около часа, пока они разговаривали в машине и гуляли по Докучаевскому зоопарку, но и этого хватило, чтобы узнать о себе много нового. Ну что ж, она спасла человеческую жизнь. Неприятную, подлую, чуждую ей, но всё же спасла. Может, когда-то ей это зачтётся? Там, вдали, куда все они рано или поздно непременно пожелают...

А Денис больше не звонил, и жив ли он, она не знает и знать не хочет.

Глава 4. Заминировано!

В мае 2015-го Мария после очередного туристического похода с детьми, где они попали под ливень, заболела. Пришлось отправляться в районную больницу, но лечь в палату наотрез отказалась, поселилась у сестёр, только ходила на процедуры, а уколы делала себе сама.

Тогда же ей и позвонила одна из коллег, которая рассказала об аресте учительницы химии. Приехали в 6 утра на легковом автомобиле и микроавтобусе несколько человек в военной форме, с лицами, закрытыми по самые глаза балаклавами, вывели учительницу с мешком на голове, посадили в автобус и увезли неизвестно куда. Несколько дней никто не знал, кто её арестовал, за что и где держат пенсионерку шестидесяти двух лет. После такой новости нервы у Марии разгулялись, возмущению не было предела, рано или поздно оно должно было во что-то вылиться. Вот и вылилось, на её голову. После процедур в клинике Мария поехала на маршрутке в центр города. Сестра Галя дежурила сутки в ЛОР-отделении, другой сестры, Тани, тоже дома не было. Решив заглянуть в магазин и купить продукты, она направилась через парк в магазин «Кошник». В центре парка на постаменте стоял Ленин.

Кто-то, может, и относился к начавшемуся на Украине ленинопаду скептически, посмеиваясь над происходящим в

стране, но в этом несуразном вандализме чувствовалось какое-то массовое сумасшествие, глумление почище плевков в Мону Лизу у Брэдбери[6]⁵.

И тут, пересекая центральную аллею, она вдруг увидела чернолицего Ленина в вышиванке и красных шароварах.

— Вот дэбилы! — сказала она громко, чтобы её услышали парни, околачивающиеся неподалёку с довольными наглыми физиономиями. Видимо, это была их работа, а теперь они кайфовали от реакции возмущённых волновахцев.

— Мозгов хватает только на то, чтобы испохабить памятки. Не поколение, а ИБМ. Испорченный биологический материал.

Последнюю фразу молодёжь, видимо, не поняла, потому что ироническая улыбка с лиц исчезла, а может, и поняла, так как губы сжались крепче...

С другой стороны от памятника, на скамейке и около неё, расположились с автоматами человек шесть из укроповского патруля. Они в последние месяцы наводнили город, куда ни сунься — везде трезубые вояки.

Наверное, в другой раз она бы плюнула и прошла мимо, но сейчас её просто несло на раздутых парусах. Заглянув в магазин, купила альбом для рисования и толстый чёрный маркер, вырвала двойной листок и большими буквами написа-

⁵ Имеется в виду рассказ Рэя Брэдбери «Улыбка». В произведении описывается городской «праздник», в ходе которого все жители должны плюнуть в старинную картину «Мона Лиза» в знак ненависти к Прошлому.

ла: «Заминировано! (для дэбилов, красящих памятники)». Потом взяла этот лист, поднялась по ступенькам к Ильичу и водрузила на постамент, стараясь, чтобы его не снесло ветром. Развернулась и ушла. Не оглядываясь.

Добраться до магазина не успела, около детской игровой площадки её догнал военный с альбомным листом в руках.

— Подождите! — крикнул, как крякнул. Она остановилась и спокойно взглянула на него.

— Это вы сделали? — спросил, тыча ей в лицо альбомный лист.

— Это я сделала, — подтвердила она.

И тут началось. К ней подскочили ещё четверо, потребовали документы. Она достала из рюкзака паспорт, передала первому, самому ретивому из них. Как потом выяснилось, он был сотрудником СБУ. Рюкзак её в руки они не взяли, побоялись, а заставили положить в сторону. Она прислонила его к дереву и ждала, что будет дальше. Всё тот же, что первым её догнал, сказал жёстко:

— «Заминировано» — это терроризм. Мы сейчас вызовем оцепление и всё вокруг проверим. У вас есть взрывчатка?

Она покачала головой.

— Покажите, что у вас в рюкзаке.

Её заставили открыть рюкзак и медленно достать из него содержимое. Но что она могла достать? Кошелёк, телефон, купленный маркер, больничную карточку и бабушкину ико-

ну Божьей Матери. Старую, деревянную, с уже местами стёртым ликом. Её Мария всегда брала с собой, чувствуя себя с нею в безопасности. Увидев, что ничего подозрительного нет, всё тот же начавший разговор эсбеушник спросил:

— Зачем вы это сделали?

— Потому что возмущена бездействием районной военной администрации. Почему у вас под носом творят такие безобразия? Это не хулиганство — это вандализм. Любой памятник является народным достоянием, потому что эти памятники ставятся на народные деньги. Для волновахцев он дорог.

— Вы что, член коммунистической партии?

— Нет, я не член никакой партии, но я здесь живу и не хочу, чтобы какое-то мудацкё хозяйничало в моём городе.

Ей назвали статью и срок, на которые тянет выходка; получилось, что сидеть Марии 11–12 лет. Поинтересовались, где она работает. Слово «школа» заставило эсбеушника подпрыгнуть и ещё яростнее продолжить допрос. Видимо, он был в курсе ареста учительницы химии из этой же школы. Получался целый заговор, гнездо сепаратизма. Тут уж попыхивало наградой за раскрытие преступления.

За это время к ним несколько раз подходили трое из патруля, один из них чем-то напоминал дэнээровца: в пятистой бандане, с лихо распахнутым воротом и подвернутыми до локтей рукавами рубашки, он с тревогой поглядывал на неё. Не удержавшись, пока её стражники отошли в сторону

и звонили в СБУ, вызывая за нею машину, он подошёл поближе и сказал почти дружески:

— Ну, что ж вы так? Да лучше бы матом написали, а то «заминировано». Думаете, нам это нравится? Вас же посадят, и разбираться никто не станет. Вишь, как выслужиться хочет...

Неожиданное сочувствие со стороны патрульного и удивило Марию, и успокоило. Почему-то она после его слов стала ещё более невозмутимой.

Сколько ни звонили вояки — машина не ехала, что-то там у них такое случилось чепэшное. Звонивший уже начал материться и орать кому-то:

— Я что тут, до вечера буду торчать?

Прошло уже почти два часа, как Марию задержали. Сначала она стояла в стороне от них, потом её посадили на боковую скамейку детской площадки. Подошла собака, обнюхала её ноги и почему-то улеглась рядом. Мария улыбнулась и погладила её. Эта улыбка взбесила и так уже выведенного из себя эсбеушника, и он гаркнул, подскочив к ней:

— Чего улыбаетесь? Весело вам! Сидеть будешь, сепарка!
— перешёл он на «ты».

Псу это не понравилось, и он предупредительно зарычал.

— Ничего страшного, посижу, — ответила Мария. — Я всё равно права. Вместо того, чтобы найти и наказать бандюг, которые у вас тут под носом всем распоряжаются, вы занимаетесь чёрт знает чем.

Трудно описать, что она чувствовала. При внешнем полном отсутствии волнения внутри было почему-то так же спокойно, одна только мысль тревожила её: что будет с мамой? Конечно, сёстры её не оставят, но живой свою мать она вряд ли уже увидит... Но об этом лучше не думать, — решила Мария.

Наверное, больше всего военных смутило её поведение: не оправдывалась, а стояла на своём, не извинялась, не просила её отпустить, а сидела себе на скамейке и ждала, гладила собаку, прислушивалась к пению птиц в парке, даже на небо иногда поглядывала, закинув вверх голову...

Машина СБУ так и не приехала, а подкатил и припарковался на обочине полицейский автомобиль, именно к нему и повёл Марию эсбеушник, буркнув:

— Разбирайтесь с ней сами.

Ей даже показалось, что он при этом облегчённо вздохнул.

В машине сидели двое: высокий стройный светловолосый парень, второй был полнее, крепко сбитый, с чёрными, немного навывкате глазами; оба не старше тридцати лет. Когда она объяснила, за что её задержали, высокий (Саша, как он потом назвался) рассмеялся, а узнав, что она ещё и учительница, хлопнул себя по коленям и затрясся от смеха:

— Ну, вы даёте! Учительница! Разных задерживать приходилось, но чтобы учителей — это первый раз. Вот свою бы географичку точно арестовал бы, с превеликим удоволь-

ствием.

Саша оказался из Волновахи, а второй, Иван, был из Бугаса. Свои ребята, в общем.

Составили они протокол, написали, что Мария сквернословила, и за это ей полагается штраф в 55 гривен. О том, что работает в школе, упоминать не стали. Саша ещё предупредил составлявшего протокол Ивана:

— Пиши, что нигде не работает, а то ещё выгонят на фиг из школы.

Выйдя из машины, Мария отправилась в «Кошик» за продуктами, как и собиралась в самом начале. Там её встретили охранник и несколько продавцов, один из которых спросил:

— Чего они от вас хотели? Мы тут все стоим, переживаем.

— Вот суки! — вмешался в разговор охранник. — Некому в них пару гранат зафигачить!

После того, как Мария объяснила, что сделала, охранник, ей сказал:

— Ну, вы даёте! Молодец! А мы тут только возмущаемся памятником, что с ним сделали. Старушки, правда, что на скамейках сидели, так те кричали им «фашисты».

Закупив продукты, Мария намеренно пошла по тротуару, ведущему мимо чернокожего Ленина в вышиванке. Патрульные посмотрели ей вслед, кто-то приветственно поднял руку. Неожиданно тот, в бандане, отделился от группы и догнал её уже на выходе из парка.

— Извините, пожалуйста... Как вас зовут?

— Мария, — удивлённая его вопросом, ответила она.

— А меня Владимир. Знаете, вы удивительная женщина, с таким самообладанием, что позавидовать можно. Редкий мужчина так держится, как вы. Только в другой раз будьте осторожнее, Маша. Это просто чудо, что вас отпустили. Если бы машина сразу приехала, то сами понимаете...

Да, она понимала. И, как ей казалось, понимала, почему машина эта не приехала: в её рюкзаке лежала икона Той, кто сохранил ей жизнь и дал силы не бояться. Это единственный, кто в такую минуту мог ей помочь...

Владимира после того она ещё несколько раз встречала, и каждая встреча начиналась с приветственного поднятия руки и хорошей человеческой улыбки. Где он сейчас, этот Владимир? Жив ли? Она не знает...

Остаться дома после такого стресса Мария не могла и пошла опять в больницу к сестре. Та её выслушала и рассердилась:

— О тёте Лиде ты подумала? А о нас с Таней? Что бы мы матери твоей сказали? Ты безответственная, сначала делаешь, а потом думаешь.

Конечно, Галя была права. С её стороны это был глупейший поступок, который ничего бы не изменил и никому не помог. Тогда она дала себе слово, что больше срываться так не будет, и если уж рисковать, то только ради стоящего дела.

Так удачно завершилось её гражданское негодование. А об учительнице четыре дня не было ни слуху — ни духу, был

человек и пропал. Спасти женщину удалось её дочери, жившей в ДНР. Она подняла всех своих знакомых на украинской стороне, говорят, дошла даже до СБУ и таки выдрала мать из рук тюремщиков, вырвала — и сразу увезла к себе в Докучаевск, чтобы не могли её больше достать. Не любит эта женщина вспоминать о своём сидении в тайной волнованской тюрьме. Известно только, что 4 дня она просидела без еды и воды, спала практически на полу, куда было брошено тоненькое покрывало. И днём, и ночью ей устраивали допросы, всё хотели выбить какие-то признания, потому что доказательств её вины не было, всего лишь донос. Кому-то дорогу перешла, вот и постарались «щирые», как величают себя украинские патриоты, с дороги этой человека убрать. Учительница знает, кто это сделал, ей назвали имя доносчика. А назвали потому, что были уверены: из тюрьмы она не выйдет. И эта тайная тюрьма находилась в самом центре города, если ехать в сторону районной больницы — то слева, напротив кафе «Тортики от Жени». Сегодня, проезжая по Волноване, бывшая учительница с ужасом отворачивается, чтобы не взглянуть в ту сторону, где провела она страшные четыре дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.